

Лю Мао, примостившийся на переднем сиденье и старательно изображавший полное отсутствие интереса к происходящему сзади, слушал, как Шэнь Чан Ань в одиночку ведёт оживлённый монолог, и не мог сдержать любопытства: господин за весь путь не обронил ни единого слова – как же Шэнь Чан Ань ухитряется поддерживать беседу с тем, кто, кажется, вовсе не расположен к разговорам?

При господине Лю Мао не смел пускать в ход духовное зрение (1) – это было бы верхом непочтительности, – и лишь украдкой косился в зеркало заднего вида, стараясь, чтобы его наблюдения остались незамеченными. Господин и впрямь безмолвствовал, однако уже вовсю уплетал сэндвич, собственноручно изготовленный Шэнь Чан Анем, – уплетал с таким сосредоточенным видом, словно совершал важный ритуал. И куда только девалась обычная его привередливая леность, с которой он всегда отодвигал тарелки, если блюдо не соответствовало его взыскательному вкусу?

Заметив подглядывающего Лю Мао, Шэнь Чан Ань, ничуть не смутившись, извлёк из рюкзака кусок пирожного, аккуратно завернутого в промасленную бумагу:

– Простите, сэндвич я только один приготовил, не рассчитал. А это пирожное – я ещё вчера испёк, с яблоками и корицей. Угощайтесь, пожалуйста.

– Благодарю Вас, – Лю Мао потянулся за угощением и тут же поймал на себе взгляд господина – тот поднял веки и в упор посмотрел на него. Взгляд был коротким, но выразительным: в нём читалось что-то среднее между лёгким неодобрением и собственническим интересом.

– Молоко, горячее, – Шэнь Чан Ань, не заметивший этой немой сцены, сунул в руку Дао Няня небольшую бутылочку, всё ещё хранившую тепло его ладоней. – Я чуть-чуть сахару добавил, всего пол-ложечки, так вкус получается мягче и нежнее.

Дао Нянь отвёл глаза от Лю Мао и, опустив голову, молча отхлебнул молока, грея ладони о тёплое стекло.

Прикончив сэндвич и допив молоко до последней капли, он увидел, как Шэнь Чан Ань извлёк откуда-то – из бокового кармашка рюкзака – небольшой холщовый мешочек и бережно убрал туда бумажную обёртку и опустевшую бутылку. Эта аккуратность, эта забота о чистоте тронули Дао Няня больше, чем он готов был себе признать.

Минут через десять, когда машина уже миновала городскую черту и покатила по загородному шоссе, обрамлённому по обочинам густыми купами деревьев, из рюкзака появились несколько ярких пакетиков с вяленой инжирной мякотью.

– В пути, покуда добираться до места, непременно должно лакомиться и вести неторопливые беседы – это важная, если не сказать существенная, часть путешествия, – Шэнь Чан Ань с видом заправского знатока протянул один пакетик Дао Няню. – На, отведай. Инжир – он и вкусный, и полезный, клетчатки много.

Дао Нянь уставился на инжир в твёрдой, морщинистой коже, и во взгляде его – обычно бесстрастном и отстранённом – на сей раз читался явственный, почти детский отказ. Он перевёл взгляд на Шэнь Чан Аня, потом снова на пакетик, и лёгкая складка пролегла между его безупречными бровями.

– Не любишь такое? – Шэнь Чан Ань, заметив это выразительное молчание, ничуть не расстроился и, запустив руку в рюкзак, выгреб оттуда ещё несколько пакетиков – целую коллекцию всевозможных снеков. – Выбирай, что по нраву. У меня тут и фисташки, и арахис в скорлупе, и манго сушёное, и бататовая соломка, и даже цукаты из имбиря – на любой вкус.

То, что нужно чистить от скорлупы – возиться, давиться, а потом ещё и руки мыть.

То, с чего снимают кожуру – липкую, пачкающую пальцы.

То, что само липнет к рукам – сладким сиропом, от которого потом полдня не отмоешься.

Дао Нянь долго, с какой-то торжественной серьёзностью вглядывался в предложенные лакомства, словно решал судьбу государства, и наконец, с явной неохотой, но и с чувством исполненного долга, выбрал пачку с хрустящей бататовой соломкой – самую безобидную, не требующую никаких дополнительных манипуляций.

– Господин Шэнь, не ожидал, что Вы любитель всякой такой снеди, – Лю Мао, озабоченный тем, как бы Шэнь Чан Ань не почувствовал себя неловко в этом затянувшемся монологе и не раздумал впредь приглашать господина на прогулки (такие редкие, такие драгоценные!), решил поддержать беседу, пусть и натянутую. – Я-то думал, сладости да закуски больше по части девиц, а мужчины должны питаться основательно, без этих нежностей.

– При чём тут мужчины или женщины, когда речь о любви к еде? – Шэнь Чан Ань, сосредоточенно очищая инжир от шелухи длинными, ловкими пальцами, бросил в ответ. – Загонять себя в рамки пола, идти против собственной природы – значит попусту тратить свою жизнь. Еда не имеет пола, как не имеют пола радость или печаль.

Когда он был совсем крохой, совсем несмышлёнышем, у соседей росла девочка, старше его года на три, обожавшая гонять в футбол во дворе. Он помнил, как однажды, глядя на неё из окна, спросил у мамы: почему та девочка, словно мальчик, любит пинать мяч, носиться по полю и падать в пыль?

Мама тогда присела рядом с ним на подоконник, обняла за плечи и сказала тихо, но твёрдо:

– Каждый человек, будь то мальчик или девочка, вправе любить то, что ему нравится, и к полу это не имеет ровным счётом никакого отношения.

А позже, чтобы он доподлинно уразумел: футбол – вовсе не исключительно мальчишеское

занятие, – мама специально таскала его на несколько женских футбольных матчей. Он помнил, как они сидели на трибунах, как мама объясняла ему правила, как они вместе кричали и аплодировали, когда женщины в форме забивали голы.

---

1. 神視 (shén shì) – духовное зрение / божественное чутьё – в контексте даосской литературы – способность воспринимать мир особым, духовным образом, видеть ауру, энергию на расстоянии.

<http://bllate.org/book/16518/1505517>